

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РОССИЯ И БАЛКАНЫ

В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 300 ЛЕТ

*Юбилейное издание, посвященное трехсотлетию
черногорско-русских отношений 1711-2011. г*

ПОДГОРИЦА / МОСКВА
2012. г

Др. Александар РАСТОВИЧ*

РОССИЯ И БАЛКАНЫ В XIX ВЕКЕ – БРИТАНСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

ABSTRACT: *On the ground of a lot of the British archive documents paper analyze phenomena of the British russophobia in the official foreign policy of the Great Britain in 19th Century toward all the Balkan states. She was-obsessed with permanent fear of influence of the Russia on the Balkans, with forming of wider federation of the Balkan states and with preventing changes of the decisions of the Balkan congress.*

KEY WORDS: *The Balkans, Great Britain, Russia, Montenegro, Serbia, Russophobia*

В британском восприятии Балкан в течение всего девятнадцатого века постоянно присутствует одержимость Россией. Начало русофобству в британской балканской политике, по утверждению Джона Глисона, одного из лучших знатоков английской политики на Балканах, положил лорд Пальмерстон в тридцатые годы девятнадцатого столетия. Решающую роль в повороте Пальмерстона против России сыграли дипломат Дэвид Уркварт и лорд Джон Понсонби, посол Великобритании в Константинополе¹. Однако, считается, что главный архитектор русофобства в британской политической и общественной жизни был Уркварт, которого российский историк Елена Кудрявцева называет патологическим русофобом, а Мария Тодорова ярким туркофилом и одержимым русофобом.² Русофобство как преобладающая составляющая британской

политики своего пика достигло во время Крымской войны и продолжилось в двадцатом столетии, кроме того, что временно утихнет, по утверждению академика Милорада Экмечича, в период Второй мировой войны³. О масштабах русофобства в официальной политике Великобритании точнее всего говорит заметка Томаса Грение де Фонбланка, английского консула в Белграде в период с 1842 по 1859 гг., который в 1857 году записал, что считает „способность России к цивилизованному образу жизни одинаковой способности африканских негров к абстрактной математике“⁴.

Наряду с русофобством Дэвид Уркварт является творцом тезиса о предоставлении автономии балканским народам под турецким сюзеренством, поскольку их любой ценой необходимо было удалить от России и русского влияния. Позднее эту

* Институт истории Сербии, Белград, Сербия

¹ C. Webster, *Urquhart, Ponsonby, and Palmerston*, *The English Historical Review*, vol. LXII, No 244, July 1947, 330-333.

² Е. П. Кудрявцева, *Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века*, Москва 2010, 194, М. Todorova, *Imaginary Balkan*, Beograd 1999, 169.

³ М. Екмечич, *Српски национализам и србофобија*, НИН, бр. 3081, 14. јануар 2010, 44, J. Gleason, *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion*, Cambridge 1950, 278.

⁴ Тот же, *Сукоб цивилизација или стварање светског система великих сила*, Огледи из историје, Белград 1999, 359.

идею позаимствовал и Вильям Гладстон⁵. Дэвид Уркварт еще в 1832 году вступил в контакт с представителями польской эмиграции Адамом Чарторийским и графом Владиславом Замойским с целью создания сильного антирусского звена на Балканах. С другой стороны, представители польской эмиграции считали, что лучшим способом остановить российские империалистические стремления является восстановление Польши и укрепление Турции. Свои антирусские чувства Дэвид Уркварт излагал на страницах журнала *Портфолио или сборник государственных документов и т.п. как иллюстрация истории нынешнего времени*, в котором он с 1835 года печатал дипломатические документы с целью компрометирования русской внешней политики. Вначале против публикации такого рода дипломатических материалов возражал лорд Пальмерстон, но наряду с Урквартом сильные сторонники такого метода борьбы против царской России были лорд Понсонби и сэр Герберт Тайлор, первый частный секретарь британского правителя Вильяма IV, оказавшие давление на Пальмерстона, который вынужден был согласиться с публикацией антирусских дипломатических материалов. Уркварт считал, что данные отчеты свидетельствуют о том, что Россия желает уничтожения Турции и союза между Великобританией и Францией⁶. Он думал, что Россия представляет собой угрозу для баланса сил в Европе.

Будучи хорошо знакомым с культурой и историей славянских народов и России, он пришел к выводу, что идея панславизма очень мощная, и признал способность России, как самой сильной славянской державы, повлиять на объединение других славянских народов. Панславизм, по его мнению, представлял собой движение, возникшее в российском государстве как сильное оружие для осуществления ее империалистических интересов. Также, он заметил,

что Россия стремится к осуществлению своих интересов, пользуясь дипломатическими каналами, не вызывая конфликтов⁷. Самая жесткая антирусская кампания на страницах Портфолио длилась с 1835 по 1837 гг. Интересно, что Уркварт несколько десятилетий спустя в некоторой степени изменил свой взгляд на Россию. Крымская война представляла собой определенный поворот в этом вопросе.

Основная цель англичан в рамках решения Восточного вопроса в девятнадцатом столетии не менялась. Она подразумевала нейтрализацию влияния России в Европе, на Балканах и на Ближнем Востоке⁸. В соответствии с такой аксиомой британская политика на Балканах в этот период базировалась на нескольких основных принципах. Первый заключался в предотвращении русской экспансии на этом просторе, и ослаблении панславистского движения. Второй принцип подразумевал организацию помех в создании федерации, конфедерации или более крепкого союза балканских народов и государств, потому что такое объединение представляло бы собой возможную угрозу для целостности Турции и Австрии, имея в виду то, что в будущем союзе балканских народов значительной частью населения было бы именно славянское, которое в большом количестве проживало на территории бывшей Габсбургской империи, то есть Австрии. В Форин-офисе преобладало глубокое убеждение, что такая славянско-балканская конфедерация была бы под сильным, если не решительным покровительством России и являлась орудием в достижении ее империалистических целей. После завершения Берлинского конгресса, появилась еще одна важная опора британской внешней политики на Балканах, которая подразумевала точное соблюдение решений конгресса, то есть поддержание статуса-кво, что значило невозможность для России восстановить свой авторитет и влияние на территории Балкан. Фактически, требовалось воспрепятствовать России играть какую-либо важную роль в решении Восточного вопроса в будущем.

⁵ А. Раствоић, *Велика Британија и Србија 1878-1889*, Београд 2000, 18, 123.

⁶ Ј. Пауновић-Штерменски, *Урквартово виђење међународног положаја Србије*, Београд, 2007, 59, Исто, *David Urquhart and the Links of Serbia with the Ideas of the Polish Emigration*, Београдски историјски гласник 1, Београд 2010, 123-124.

⁷ То же, 125.

⁸ А. Раствоић, указанное сочинение, 15.

В Лондоне преобладало убеждение, что сильное русское вмешательство в балканскую реальность привело бы к нарушению целостности Турецкой империи, а тем самым поставило бы под угрозу и британские интересы на данном просторе и за его пределами, следовательно, угрожало бы ее главной колонии Индии, с учетом того, что Балканы были кратчайшим путем, который вел до этой части мира. Поэтому не удивительно, что все британское правительство в большей или меньшей степени стремилось вести независимую политику от Петербурга (сербский монарх Милан Обренович, болгарский Фердинанд Кобургский) и с недоверием смотрели на правителей и политиков, которые поддерживали тесные отношения с Россией (черногорский князь Никола Петрович, болгарский принц Александр Батенберг, болгарские политики Каравелов, Цанков).

Когда речь идет о первом постулате британской политики, он по существу означал внимательное наблюдение за ростом или спадом российского влияния в Сербии, Болгарии и Черногории. Еще до установления дипломатических отношений с Княжеством Сербией в 1837 году британская политика наблюдала за русским влиянием на местные события и была знакома с антирусской позицией князя Милоша. Решительный вклад в это внес Дэвид Уркварт, который в период с 1832 по 1837гг. четыре раза приезжал в Сербию и вел переговоры с сербским князем, а также и с другими влиятельными сербами того времени. Уркварт был хорошо знаком с позицией сербского князя по отношению к России. В одной из бесед, которая имела место в декабре 1833 года, князь Милош сообщил британскому дипломату, что он желает освободить Сербию от российского покровительства и влияния, и что ему для достижения этой цели необходима помощь английского правительства.

Командировка полковника Ходжеса, первого британского консула, в Сербию в первую очередь была направлена на выполнение главной инструкции, которую он получил - внимательно наблюдать за русским консулом в Оршаве Ващенко и его работой по расширению российского влияния

в Сербии и соседних государствах.⁹ Данная директива, которая фактически подразумевала внимательное наблюдение за русским влиянием среди балканских народов, на практике распространялась на всех британских представителей в Сербии, а также в Болгарии и Черногории и в иных балканских государствах в течение всего девятнадцатого века.

Желание избежать большого русского влияния в Сербии привело к установлению очень тесных контактов между князем Милошем Обреновичем и полковником Ходжесом. Британский консул поддерживал желание сербского князя вести самостоятельную политику по отношению к Петербургу. Кстати, ни один британский дипломат в течение девятнадцатого столетия не установил такие близкие и сердечные отношения с кем-либо из сербских правителей, как это были отношения между Ходжесом и князем Милошем. С таким намерением, руководствуясь инструкциями, полученными от своего правительства, британский консул стал арбитром сербской политической реальности в конце тридцатых годов девятнадцатого столетия. Он грубо вмешивался в многочисленные политические распри, среди которых самая значительная касалась принятия новой конституции, так называемой Турецкой конституции в 1838 году. Через призму данного вопроса лучше всего можно было увидеть столкновение британской и российской дипломатии в связи с влиянием на события в Сербии. В данном деле англичане проиграли. Власть князя была ограничена институтом Государственного совета. Эпилог хорошо известен. Князь Милош покинул Сербию, а то же самое случилось и с его покровителем, полковником Ходжесом. Следовательно, дипломатическая миссия полковника Ходжеса потерпела фиаско, а это значило и поражение британской дипломатии в Сербии, в определенном смысле и на Балканах. Влияние России не было подорвано, а панславистическая активность России увеличилась.

Наученные неудачным опытом с первым консулом в Сербии, британцы в период правления защитников конституции в не-

⁹ То же, 20.

которой степени изменили свою политику к сербам и иным балканским народам. В частности, они не вмешивались так прямо в сербскую политическую реальность и в отношения между Сербией и Россией. В общем, влияние Томаса де Фонбланка, британского консула того времени, было меньше на власть защитников конституции, чем австрийского и русского консулов.

Крымская война и Парижский мирный договор в 1856 году представляли собой определенную победу британской политики и крах русской внешней политики. Воодушевленные большой военной и дипломатической победой, англичане в последующем периоде, вплоть до Берлинского конгресса хотели любой ценой укрепить свое доминирующее положение в Константинополе, так же как и в Сербии и в других балканских странах, Валахии, Молдавии, Греции. Британский посол в Порте сэр Генри Бульвер в те годы вел себя как покровитель, то есть хозяин Турции, а также ее балканских провинций. Он ревностно продолжает русофобскую политику Дэвида Уркварта. Контуры этой политики он обрисовал в беседе со Стеваном Магазиновичем, председателем сербского правительства и министром иностранных дел 1858 года, когда он предупредил своего собеседника о том, что проблемы и разногласия между Сербией и Турцией намного меньше, чем проблемы, которые могут возникнуть, если Сербию как независимое государство покорит Россия. Таким образом, после Крымской войны британские дипломаты на Балканах вновь получили директиву внимательно наблюдать за тем, усиливается или ослабевает русское влияние среди местных народов.

Так, например, Роберт Бульвер Литон, английский консул в Белграде в середине февраля 1860 года, сообщил послу Бульверу о том, что Россия по-прежнему имеет решающее влияние в Сербии. Литон пишет: „Но их может вести или управлять ими как овцами любой, кто этого захочет. Российское правительство повелело им „покоритесь своему князю“ и они покорились. Российское правительство сказало им „выгоните вашего принца“ и они изгнали его“¹⁰. В про-

¹⁰ Foreign Office, 78/1504, Lytton to Bulwer, February 14, 1860. (у даљем тексту F. O.)

должение письма можно заметить и другой принцип британской политики - создание препятствий для более широкого союза балканских народов. В этом смысле Литон справедливо замечает, что князь Михаил желает объединить сербские страны и создать Балканский союз, и его замысел поощряет Россия¹¹. В заключении он указывает на то, что сербы в борьбе против Турции всегда опирались на большую и мощную силу. Чаще всего это была Россия, которую сербы всегда рассматривали как желанного защитника. В апреле того же года консул Лонгворт сообщает своему руководству о деятельности своего русского коллеги в Белграде¹².

Британская дипломатия через своего посла в Константинополе активно включилась и в создание помех в осуществлении намерения престарелого князя Милоша добиться у Порты признания права на наследство на сербский престол в 1860 году, что фактически было направлено против князя Михаила, которого Форин-офис охарактеризовал как опасную личность для продвижения британских интересов на Балканах и представителя российской политики, то есть сильного приверженца и создателя учреждения Балканского союза. Под давлением Бульвера Порта отвергла требование сербской делегации, направленной в Константинополь лично князем Милошем. После проблемы с князем Михаилом, который по своей натуре был бунтарь и стремился осуществить политику сближения с Россией, о чем сообщалось в многочисленных отчетах о российском влиянии в Сербии в этот период, в Лондоне с облегчением приняли новый курс во внешней политике при правительстве князя, то есть короля Милана Обреновича. Лондон поддерживал его австрофильскую политику и курс ухудшения отношений с Петербургом, а также его пренебрежительное отношение к панславизму.

О плохом мнении Милана Обреновича о русских свидетельствуют многочисленные британские дипломатические послания. Интересен отчет консула Сидни

¹¹ То же.

¹² Mf, S/GR-27, FO 78/1515, N° 9, Longworth to Bulwer, April 14, 1860.

которой степени изменили свою политику к сербам и иным балканским народам. В частности, они не вмешивались так прямо в сербскую политическую реальность и в отношения между Сербией и Россией. В общем, влияние Томаса де Фонбланка, британского консула того времени, было меньше на власть защитников конституции, чем австрийского и русского консулов.

Крымская война и Парижский мирный договор в 1856 году представляли собой определенную победу британской политики и крах русской внешней политики. Воодушевленные большой военной и дипломатической победой, англичане в последующем периоде, вплоть до Берлинского конгресса хотели любой ценой укрепить свое доминирующее положение в Константинополе, так же как и в Сербии и в других балканских странах, Валахии, Молдавии, Греции. Британский посол в Порте сэр Генри Бульвер в те годы вел себя как покровитель, то есть хозяин Турции, а также ее балканских провинций. Он ревностно продолжает русофобскую политику Дэвида Уркварта. Контуры этой политики он обрисовал в беседе со Стеваном Магазиновичем, председателем сербского правительства и министром иностранных дел 1858 года, когда он предупредил своего собеседника о том, что проблемы и разногласия между Сербией и Турцией намного меньше, чем проблемы, которые могут возникнуть, если Сербию как независимое государство покорит Россия. Таким образом, после Крымской войны британские дипломаты на Балканах вновь получили директиву внимательно наблюдать за тем, усиливается или ослабевает русское влияние среди местных народов.

Так, например, Роберт Бульвер Литон, английский консул в Белграде в середине февраля 1860 года, сообщил послу Бульверу о том, что Россия по-прежнему имеет решающее влияние в Сербии. Литон пишет: „Но их может вести или управлять ими как овцами любой, кто этого захочет. Российское правительство повелело им „покоритесь своему князю“ и они покорились. Российское правительство сказало им „выгоните вашего принца“ и они изгнали его“¹⁰. В про-

¹⁰ Foreign Office, 78/1504, Lytton to Bulwer, February 14, 1860. (у даљем тексту F. O.)

должение письма можно заметить и другой принцип британской политики - создание препятствий для более широкого союза балканских народов. В этом смысле Литон справедливо замечает, что князь Михаил желает объединить сербские страны и создать Балканский союз, и его замысел поощряет Россия¹¹. В заключении он указывает на то, что сербы в борьбе против Турции всегда опирались на большую и мощную силу. Чаще всего это была Россия, которую сербы всегда рассматривали как желанного защитника. В апреле того же года консул Лонгворт сообщает своему руководству о деятельности своего русского коллеги в Белграде¹².

Британская дипломатия через своего посла в Константинополе активно включилась и в создание помех в осуществлении намерения престарелого князя Милоша добиться у Порты признания права на наследство на сербский престол в 1860 году, что фактически было направлено против князя Михаила, которого Форин-офис охарактеризовал как опасную личность для продвижения британских интересов на Балканах и представителя российской политики, то есть сильного приверженца и создателя учреждения Балканского союза. Под давлением Бульвера Порта отвергла требование сербской делегации, направленной в Константинополь лично князем Милошем. После проблемы с князем Михаилом, который по своей натуре был бунтарь и стремился осуществить политику сближения с Россией, о чем сообщалось в многочисленных отчетах о российском влиянии в Сербии в этот период, в Лондоне с облегчением приняли новый курс во внешней политике при правительстве князя, то есть короля Милана Обреновича. Лондон поддерживал его австрофильскую политику и курс ухудшения отношений с Петербургом, а также его пренебрежительное отношение к панславизму.

О плохом мнении Милана Обреновича о русских свидетельствуют многочисленные британские дипломатические послания. Интересен отчет консула Сидни

¹¹ То же.

¹² Mf, S/GR-27, FO 78/1515, N° 9, Longworth to Bulwer, April 14, 1860.

Локока от 11 октября 1883 года, в котором наилучшим образом описывается фактическая природа отношений короля Милана с Россией. В беседе сербский король пожаловался Лококу на враждебность, которую русское правительство показывает к нему и на секретную работу в Петербурге по аннулированию решений Берлинского конгресса и его власти. „Россия всегда тайком работает над достижением своей конечной цели и, несмотря на затруднения, с которыми она сталкивается, прилагает все усилия по их устранению, а Берлинский договор в настоящее время представляет собой препятствие. ...Россия сейчас работает на Балканском полуострове, особенно в Болгарии и здесь, у нее есть личные причины стать ее оружием, она также хочет освободиться от меня, потому что я не хочу быть ее слугой... Россия мне этого не простит. Я с трудом могу купить русскую газету, в которой не написано, что я должен быть отстранен и заменен Карагеоргиевичем“¹³. Также, он неоднократно повторял, что он не будет работать по поручению России, и что он охотнее верит Австрии, которая, по его мнению, „не руководствуется желанием проглотить нас как Россия“¹⁴.

Британские подозрения относительно намерений России укрепить свое влияние в Сербии, возникли во время визита большой группы русских хирургов в Белграде в период сербско-болгарской войны. Британский представитель в Белграде Джордж Уиндхем в отчетах от 6 января и 23 апреля 1886 года, указал на то, что цель их присутствия политического характера, то есть, что они свой приезд в Белград использовали для внедрения российских агентов в страну и возврата русского влияния и симпатий среди сербов¹⁵. О возрождении русского влияния на Балканах и в Сербии Уиндхем предупредил король Милан в начале июля 1886 года. Одинаковые оценки об усилении русофильства в Сербии британский представитель в течение этих недель получал и в беседах с

председателем правительства Милутином Гарашаниным и министром иностранных дел Драгутином Франасовичем.

О заинтересованности британской политики в укреплении российского влияния в Сербии свидетельствует и отчет Уиндхема о беседе с королем Миланом 23 июня 1887 года. В данном случае король решение назначить новым председателем правительства Иована Ристича объяснил тем, что стране в данный момент преобладала русофобия. Между тем, это не изменило его преданность Австрии „и сердцем, и душой“¹⁶. Интересно, что в данной встрече Уиндхем не согласился с оценкой короля Милана, что официальная Россия и панслависты распространяют свое влияние. По его данным, они проиграли, а такое утверждение обосновал фактом, что Румыния показывает большую сдержанность по отношению к России, а Болгария откровенно не согласна с Петербургом¹⁷.

Британские представители в Белграде предупреждали также о том, что смена правителей в Сербии и усиление влияния России на Балканах могут вызвать непредсказуемые последствия для мира в этой области¹⁸. Смена на сербском престоле вызвала бы изменение направления во внешней политике Сербии, что не было в интересах Британии, поэтому она очень ревностно следила за всеми новостями о заговорах против короля Милана и его возможном отречении, используя любой подходящий момент, чтобы отговорить его от намерения покинуть престол.

Были и такие дипломаты, которые не разделяли мнение Форин-офиса о том, что сербский народ полностью симпатизирует России. Так, например Аугустус Бекер, вице-консул в г. Ниш в своем подробном отчете об отношениях между соперничающими династиями в Сербии в августе 1883 года пишет о том, что король Милан действительно полностью в руках Австрии, но это не его собственное решение, а последствия замысла, чтобы избежать диктата России. Что касается российского влияния

¹³ F. O. 105/40, Locock to Granville, Belgrade, October 11, 1883.

¹⁴ То же.

¹⁵ F. O. 105/55, Wyndham to Salisbury, Belgrade, January 6, 1886, F. O. 105/56, Wyndham to Rosebery, Belgrade, April 23, 1886.

¹⁶ F. O. 105/63, Wyndham to Salisbury, Belgrade, June 23, 1887.

¹⁷ Isto

¹⁸ То же.

в Сербии, Бекер предупреждает, что оно синхронно растет и падает, в зависимости от колебаний Сербии между подчинением австрийской доминации или ее доминирующим влиянием. Одновременно, Сербия подозрительно относится и к России и принимает ее только как меньшее из двух зол. Это не значит, что сербы не благодарны России, но они не могут забыть ее великую Болгарию или Сан-Стефан или жертвовање Боснией и Герцеговиной в пользу Австрии. Сербы, согласно Бекеру, осознают потребность в русском содействии при осуществлении объединения, к которому они постоянно стремятся¹⁹.

Британская дипломатия очень серьезно относилась ко всем обвинениям, которые в адрес России высказал сербский монарх Милан Обренович, обвинявший в частности, черногорского князя Николу Петровича, в том, что он строит планы с русскими о его свержении с престола. Так в феврале 1883 года Сидни Локо сообщил в Форин-офис о том, что король Милан и сербское правительство озабочены новостями о том, что князь Петр Кара Георгиевич прибыл в Цетинье для того, чтобы у князя Николы попросить руку его старшей дочери, что он считает видом заговора против него, в котором замешаны Черногория и Россия²⁰. Официальный Лондон в течение этих месяцев регулярно получал из Белграда отчеты, в которых подчеркивалась озабоченность и страх сербского монарха по причине заключения брака между сербским князем Петром и черногорской княгиней Зоркой. Правителя Сербии особенно беспокоила боязнь, что за этим браком стоит Россия²¹.

Об опасениях сербского короля из-за русского покровительства брака между двух династий говорит и подробный отчет, составленный Аугустосом Бекером в конце августа 1883 года. В нем высказывается мнение, что Россия стоит за этим браком, и что князь Петр Карагеоргиевич становится

серьезным соперником короля Милана, личность которого стала очень непопулярной вследствие очевидного раболепства перед Австрией и неконституционному правлению, что в стране создает недоверие к нему²².

Впрочем, король Милан обвинения в адрес черногорского князя и России высказывал часто и открыто в беседах с иностранными дипломатами в Белграде. При встрече с итальянским поверенным в делах он заявил, что, по его мнению, русское посольство в Константинополе поощряет князя Николу строить козни против него в пользу князя Петра²³. В беседе с румынским представителем Гиком, он заявил, что его удивляет информация, согласно которой в возможной войне между Англией и Россией в связи с афганским вопросом у России разработанная схема главной целью, которой являются мятежи на Балканах, чтобы препятствовать Турции оказать помощь Англии в войне с Россией, потому что в таком случае, Турция была бы занята событиями на Балканах. В рамках таких предположений российское правительство разработало план о свержении болгарского принца и сербского короля с престола, потому что они враждебно настроены к русской политике и ее влиянию на этом пространстве. Также, предусматривался визит князя Николы в Софию, в случае возникновения революции против принца Александра, и тогда он бы занял болгарский престол, а если бы одновременно возникла революция против короля Милана в Сербии, он бы стал и сербским правителем²⁴.

Первый постулат британской политики на Балканах в течение девятнадцатого века подразумевал также наблюдение за панславистскими настроениями балканских народов и деятельностью панславистских комитетов, в частности, в Сербии и Болгарии. Лондон поддерживал негативный подход короля Милана к панславистам. Английские представители с особым

¹⁹ F.O. 260/31, Baker to Granville, N° 1, Belgrade, August 20, 1883.

²⁰ F. O. 260/30, Locock to Granville, February 5, 1883.

²¹ F. O. 260/30, Locock to Granville, N° 28, August 10, 1883, F. O. 260/31, Kirby Green to Granville, N° 26, February 12, 1883, F. O. 260/30, Locock to Granville, N° 29, August 10, 1883.

²² F. O. 260/31, Baker to Granville, N° 1, August 20, 1883.

²³ F. O. 260/38, Wyndham to Rosebery, N° 145, April 29, 1886.

²⁴ F. O. 105/55, Windham to Salisbury, N° 63, February 4, 1886.

вниманием следили за новостями о воссоздании панславистского комитета в Сербии. Так Джералд Френсис Гульд, министр-резидент 15 марта 1881 года сообщил Джорджу Гренвиллю, начальнику Форин-офиса, что эти комитеты контролирует генерал Черняев, который находился в Сербии несколько месяцев, официально с намерением обеспечить железнодорожные концессии, но его источники информации говорили совсем иное. С учетом того, что отношения между князем Миланом и русским генералом были нарушены еще с конца Первой сербско-турецкой войны, цель его проживания согласно Гульду была строить от имени московского панславистского комитета политические интриги против князя Милана²⁵. Гульд информировал свое правительство о том, что русский генерал в середине апреля того же года снова посетил Сербию²⁶.

Когда в 1882 году вспыхнуло восстание в Герцеговине, британское правительство опасалось возможных действий панславистов в Сербии для помощи повстанцам. Опасения оказались обоснованными, потому что Сидни Локок 20 мая 1882 года сообщил о том, что сербские власти арестовали конвой с ружьями в г. Чачак, который из Болгарии контрабандой хотели доставить в Боснию. Конвой сопровождали шестьдесят до зубов вооруженных черногорцев во главе со Стефаном Лукичем Иовановичем, бывшим русским офицером, который изгнан из армии и Иованом Поповичем Липовацем, которого постигла такая же участь²⁷. Локок получил достоверную информацию о

том, что болгарское правительство продаст

семь тысяч ружей русскому панславистскому комитету для повстанцев в Герцеговине.

Британская политика была очень заинтересована в позиции короля Милана к панславистскому движению, хотя у нее была информация, что он не благосклонен к панславистам. Король Милан свое мнение о панславистском движении наиболее ярко выразил в беседе с Лококом в конце февра-

ля 1882 года, когда он решительно заявил о сопротивлении панславизму, который Россия распространяет на Балканах. Российских панславистских представителей он обвинил в том, что они всюду сеют распри²⁸. И в течение последующих лет британские дипломаты отмечали панславистскую деятельность. Посол Джордж Хьюдж Уиндхем 3 апреля 1888 года писал, что в Белграде начали печатать панславистскую газету „Великая Сербия“, в распространении которой помогали русское посольство в Белграде и панславистские комитеты²⁹. Наряду с правительством, которое было озабочено возобновлением панславизма, и британская печать часто писала о сильном панславистском движении в Сербии. После победы радикалов на выборах в парламент 19 сентября 1883 года в газете *Times* опубликована статья, в которой высказывали опасения, что победа сербского радикализма угрожает государству и благородной сербской идее, которая всегда стремилась к величию и независимости Сербии. На страницах этой газеты предупреждали о том, что сербские радикалы являются сторонниками панславизма, причем панславизм и сербская идея не только не одно и то же, но исключают друг друга. Поэтому, по мнению редакции, справедливо опасались, что торжество радикалов обозначает победу панславистской агитации над великой сербской идеей. Статью *Times* о панславизме опубликовала также газета Видело 24 февраля 1887 года. Автор статьи подчеркнул, что „горизонт на Востоке потускнел. Австро-венгрия готова

любым возможным событиям, Сербия и

Черногория стали центром панславистской агитации, а Болгария оказывает содействие восстанию в Македонии“³⁰.

О русском влиянии в Сербии и связях между двумя народами говорили в обеих палатах британского парламента. Чаще всего этот вопрос упоминался в рамках дебат об отношениях России и Порты, сербском вопросе, балканских делах или когда задавались вопросы депутатами. Важная дис-

²⁵ Foreign Office, 105/17, Gould to Granville, Belgrade, March 15, 1881. (у даьем тексту F. O.)

²⁶ F. O. 105/17, Gould to Granville, Belgrade, April 19, 1881.

²⁷ F. O. 105/32, Gould to Granville, Belgrade, May 20,

²⁸ F. O. 105/32, Locock to Granville, Belgrade, February 2, 1882.

²⁹ F. O. 105/67, Wyndham to Salisbury, Belgrade, February 3, 1888.

куссия об отношениях России и Сербии была проведена 5 мая 1843 года в Верхней палате. Много резких слов было адресовано на счет России и ее вмешательства в сербские дела. Лорд Бимонт с трибуны парламента обвинил Россию в агрессии против Турции и в том, что недавнее вмешательство Петербурга в события в Сербии (смена на престоле) не может быть оправдано. Он считал, что Россия использует Сербию как своего рода базу, с территории которой она строит интриги против оттоманских провинций. По его мнению, суть русского плана подразумевала разжигание беспорядков и вмешательство во внутренние дела Турции³¹.

На том же заседании лорд Абердин, глава Форин-офиса повторил ряд устоявшихся стереотипов по поводу Сербии, начиная с того, что речь идет о полу варварской провинции, в которой не существуют путей сообщения и торговли, вплоть до того, что ни один англичанин не знает, где находится Сербия кроме британского консула, который там проживает по служебным обязанностям³².

Еще более горячие диспуты о Сербии и русском вмешательстве в ее дела прошли 15 августа того же года, но в Нижней палате британского парламента. Специфичность этого заседания отразилась в том, что на нем высказаны разногласия в отношении к российскому вмешательству в сербскую внутреннюю политику между депутатами и премьер-министром. И пока известный лорд Пальмерстон придерживался мнения, что у России нет прав вмешиваться во внутренние дела сербского княжества, и что сербский народ вправе сам свободно выбирать своего правителя, выступление сэра Роберта Пила, председателя правительства было прямо противоположным по отношению к выступлению Пальмерстона и всем остальным выступлениям. Пил четко и однозначно возразил мнениям о том,

³¹ HL, Debates, 05 May, vol. 68 (LXVIII), p. 1268, Hansard 1803-2005, Parliamentary Debates, House of Lords, www.hansard.millbanksystems.com/20.january2012.

³² HL, Debates, 05 May, vol. 68 (LXVIII), p. 1268, Hansard 1803-2005, Parliamentary Debates, House of Lords, www.hansard.millbanksystems.com/20.january2012.

что у России нет права вмешиваться в сомнительный выбор нового сербского правителя. Он считал, что Россия на основании договора с Турцией, имеет право выразить протест по делам Сербии и принять участие в выборе сербского князя, и более того, может потребовать от Порты отозвать выбор нового сербского правителя Александра Караджорджевича³³. Напоминая о том, что он не является российским адвокатом, английский премьер был убежден в том, что Петербург вправе потребовать от Порты повторные выборы сербского князя, поскольку предыдущие не были очередными. Интересно, что Пил высказывал сомнения в достоверности информации, которая поступает в Лондон из Белграда от консула Фонбланка, с учетом того, что на эту должность он был назначен предыдущим правительством, а не его кабинетом³⁴.

В Лондоне всегда с большой опаской смотрели на попытки балканских народов создать более крепкий союз, потому что такое содружество автоматически провозглашалось инструментом усилий России завладеть Балканами и теплыми морями, поэтому необходимо было любой ценой предотвратить реализацию такой идеи. В Форин-офисе рассчитывали на традиционные недоразумения и различия между балканскими народами вокруг некоторых территориальных вопросов, например, спор по поводу Македонии и тому подобное, поэтому они использовали распри и поощряли недоразумения.

В связи с данным вопросом, который представлял собой второй основной столп балканской политики Великобритании, под пристальным вниманием находился сербский князь Михаил, один из самых ярких сторонников идеи объединения балканских народов и государств. Поэтому британские дипломаты на Балканах, особенно в Сербии постоянно получали задание наблюдать за его действиями в связи с созданием Балканского союза. Также, необходимо было использовать любую возможность, чтобы

³³ HC, Debates, 15. August, vol. 71 (LXXI), p. 821-826, Hansard 1803-2005, Parliamentary Debates, House of Lords, www.hansard.millbanksystems.com/20.january2012.

³⁴ То же, 832-833.

куссия об отношениях России и Сербии была проведена 5 мая 1843 года в Верхней палате. Много резких слов было адресовано на счет России и ее вмешательства в сербские дела. Лорд Бимонт с трибуны парламента обвинил Россию в агрессии против Турции и в том, что недавнее вмешательство Петербурга в события в Сербии (смена на престоле) не может быть оправдано. Он считал, что Россия использует Сербию как своего рода базу, с территории которой она строит интриги против оттоманских провинций. По его мнению, суть русского плана подразумевала разжигание беспорядков и вмешательство во внутренние дела Турции³¹.

На том же заседании лорд Абердин, глава Форин-офиса повторил ряд устоявшихся стереотипов по поводу Сербии, начиная с того, что речь идет о полу варварской провинции, в которой не существуют путей сообщения и торговли, вплоть до того, что ни один англичанин не знает, где находится Сербия кроме британского консула, который там проживает по служебным обязанностям³².

Еще более горячие диспуты о Сербии и русском вмешательстве в ее дела прошли 15 августа того же года, но в Нижней палате британского парламента. Специфичность этого заседания отразилась в том, что на нем высказаны разногласия в отношении к российскому вмешательству в сербскую внутреннюю политику между депутатами и премьер-министром. И пока известный лорд Пальмерстон придерживался мнения, что у России нет прав вмешиваться во внутренние дела сербского княжества, и что сербский народ вправе сам свободно выбирать своего правителя, выступление сэра Роберта Пила, председателя правительства было прямо противоположным по отношению к выступлению Пальмерстона и всем остальным выступлениям. Пил четко и однозначно возразил мнениям о том,

³¹ HL, Debates, 05 May, vol. 68 (LXVIII), p. 1268, Hansard 1803-2005, Parliamentary Debates, House of Lords, www.hansard.millbanksystems.com/20.january2012.

³² HL, Debates, 05 May, vol. 68 (LXVIII), p. 1268, Hansard 1803-2005, Parliamentary Debates, House of Lords, www.hansard.millbanksystems.com/20.january2012.

что у России нет права вмешиваться в сомнительный выбор нового сербского правителя. Он считал, что Россия на основании договора с Турцией, имеет право выразить протест по делам Сербии и принять участие в выборе сербского князя, и более того, может потребовать от Порты отозвать выбор нового сербского правителя Александра Караджорджевича³³. Напоминая о том, что он не является российским адвокатом, английский премьер был убежден в том, что Петербург вправе потребовать от Порты повторные выборы сербского князя, поскольку предыдущие не были очередными. Интересно, что Пил высказывал сомнения в достоверности информации, которая поступает в Лондон из Белграда от консула Фонбланка, с учетом того, что на эту должность он был назначен предыдущим правительством, а не его кабинетом³⁴.

В Лондоне всегда с большой опаской смотрели на попытки балканских народов создать более крепкий союз, потому что такое содружество автоматически провозглашалось инструментом усилий России завладеть Балканами и теплыми морями, поэтому необходимо было любой ценой предотвратить реализацию такой идеи. В Форин-офисе рассчитывали на традиционные недоразумения и различия между балканскими народами вокруг некоторых территориальных вопросов, например, спор по поводу Македонии и тому подобное, поэтому они использовали распри и поощряли недоразумения.

В связи с данным вопросом, который представлял собой второй основной столп балканской политики Великобритании, под пристальным вниманием находился сербский князь Михаил, один из самых ярких сторонников идеи объединения балканских народов и государств. Поэтому британские дипломаты на Балканах, особенно в Сербии постоянно получали задание наблюдать за его действиями в связи с созданием Балканского союза. Также, необходимо было использовать любую возможность, чтобы

³³ HC, Debates, 15. August, vol. 71 (LXXI), p. 821-826, Hansard 1803-2005, Parliamentary Debates, House of Lords, www.hansard.millbanksystems.com/20.january2012.

³⁴ То же, 832-833.

князь отошел от реализации такого замысла, хотя было хорошо известно, что было почти невозможно повлиять на сербского правителя, чтобы он изменил свое однажды принятое мнение. Еще до того как он стал преемником князя Милоша, британское правительство через своего консула Литона 19 февраля 1860 года рекомендовало князю Михаилу в качестве будущего сербского правителя „пренебречь своими национальными тенденциями и амбициями для создания панславистского царства“³⁵.

Подход сербского князя к созданию большого содружества балканских народов лучше всего иллюстрирует доклад, направленный консулом Лонгвортом из Белграда в Лондон в конце августа 1860 года. Он сообщает лорду Раселу, министру иностранных дел, что князь Михаил не только желает создание независимого Княжества, но также панславистского царства. Он в своей одержимости зашел так далеко, что утверждал, что сербский правитель женился на княгине Юлии Хуняды с намерением включить будущую независимую Венгрию в панславистское царство, то есть Балканский союз. Он считал, что князь ведет двойственную политику. С одной стороны, он говорил белградскому паше все, что тот хотел услышать, а это создавало видимость, что он отказывается от своих амбиций в связи с созданием панславистского царства, а с другой стороны, он принимал беженцев и подчеркивал, что Сербия центр собрания балканских христиан. Лонгворт считал, что князь в конечном итоге примет планы России, потому что она стремилась к этой же цели – стать центром собрания славян на Балканах. По его мнению, князь Михаил поддерживал русские тенденции только потому, что верил в выгоду для Сербии³⁶.

В Форин-офисе также считали, что князь Сербии должен придерживаться примирительного отношения к Порте, как и князь Александр Куза, правитель Валахии и Молдовии. Однако князь Михаил не хотел признать, что статус Сербии по отношению к Порте такой же, как и у Валахии и Мол-

довии. Он фактически вел себя, как будто у Сербии была большая степень независимости, чем у румынских княжеств. Замечая данную тенденцию в поведении сербского князя, британская дипломатия отказала Сербии в поддержке на пути к независимости. Независимая Сербия значила бы, что в ней господствует русская доминация³⁷.

Его преемник, князь Милан не был таким энтузиастом по вопросу объединения балканских народов в более крепкий союз, как его предшественник, но в определенный момент он также был увлечен похожей идеей. Однако, опасаясь отрицательной позиции Великобритании и Австро-венгрии, он высказывает идею о создании балканского союза во главе с турецким султаном и с центром в Константинополе. Несмотря на свои опасения в связи с возможностью создания более широкого балканского союза, Великобритания не отвергала возможности, что такое содружество не сложится из-за больших различий и противоречий, которые существовали между балканскими народами, особенно между славянами и греками. В случае таких различий англичане всегда были на стороне греков, а балканских славян они всегда считали средством для реализации русских целей и политики на Балканах. О невозможности создания балканской конфедерации Сидни Локкок писал в середине октября 1882 года, после беседы с сербским монархом: „Конфедерация балканских народов просто неосуществима. У государств различные интересы и противоположные желания. Единственные две страны, у которых, вероятно, нет зависти и непримиримых противоречий – это Сербия и Греция. Они никогда не вступали в конфликт. Но у Сербии и Румынии нет почти ничего общего, а Черногория вассал России...“³⁸. И в течение восьмого и девятого десятилетия девятнадцатого столетия британская дипломатия внимательно наблюдала за всеми новостями о заключении возможного союза балканских государств. Для Форин-офиса любое опровержение информации о существовании балканского

³⁵ Mf, S/GB-27, F. O. 78/15155, Lytton to Bulwer, March 19, 1860.

³⁶ Mf, S/GB-27, F. O. 78/1515, N° 35, Longworth to Russell, August 24, 1860.

³⁷ Г. Якшић, В. Вучковић, *Србија за време владе кнеза Михаила*, Београд 1963, 52-59.

³⁸ F. O. 105/24, Locock to Granville, Belgrade, October 11, 1883.

содружества становилось большим облегчением³⁹.

Берлинский конгресс означал победу британской концепции вытеснения России с Балкан, и в течение последующих десятилетий она сделает все, что было в ее силах для сохранения данного состояния. Для британской внешней политики было важно, в какой мере балканские государства соблюдают решения Берлинского конгресса, либо являются потенциальными нарушителями мира, то есть статус-кво. Это забота о соблюдении Берлинского договора была особенно заметна в первые несколько лет после окончания конгресса, а самый яркий пример ее интересов в этом смысле отчеты вицеконсула Аугустуса Бекера о бедственном положении меньшинств в Сербии, особенно в г. Ниш. На основании их можно было прийти к выводу, что Сербия не выполняет обязательства, принятые на себя на Конгрессе по защите прав меньшинств. Впрочем, в политической жизни Великобритании существовало согласие консерваторов и либералов о том, что состояние на Балканах, достигнутое на Конгрессе, должно сохраниться в соответствии с принятыми решениями.

Все изменения в сербской политике, начиная от правителя, через правительство до политиков оценивались в Форин-офисе с точки зрения: могут ли они иметь последствия для решений Берлинского конгресса и тем самым угрожать ее стратегические интересы. Поэтому Великобритания при любом намеке об изменениях, оказывала давление на сербское правительство через своих дипломатических представителей для избежания, отложения или, если их невозможно было приостановить, хотя бы ограничения, чтобы вызвать как можно меньше неудобств и затруднений для выполнения Берлинского договора. Поворот Сербии в сторону Австро-венгрии, который произошел еще на Берлинском конгрессе, отвечал общим целям британской политики на Балканах, и она способствовала этому

курсу и поощряла дальше. Великобритания в венском дворе обрела союзника для осуществления своих интересов на Балканах и через него косвенно действовала на данном просторе с целью сохранения берлинской системы отношений и предупреждения русского возвращения.

Однако, полная непоследовательность британской внешней политики в плане сохранения статуса кво на Балканах была выявлена по вопросу, так называемого, Пловдивского переворота и в дальнейшем сербско-болгарской войны. От противника болгарского объединения и создания, так называемой, Сан-Стефанской Болгарии в 1878 году, для чего и был созван Берлинский конгресс, чтобы не произошло полной нейтрализации русского влияния в тех краях, британская политика в 1885 году делает поворот и становится ярким защитником идеи о признании акта объединения. Таким образом, она фактически отказалась от одного из принципов своей политики на Балканах: предотвратить изменения режима взаимоотношений, установленных на Конгрессе. Объединенная Болгария в этот момент соответствовала британским интересам как буферная зона в русском продвижении в сторону Константинополя и дальше к Востоку. Получился своеобразный парадокс. Государство, которое не один год больше всех настаивало и прилагало усилия для точного соблюдения Берлинского договора, в случае Болгарии первое нарушило его. С другой стороны, Сербия, которую Великобритания постоянно обвиняла в том, что не уважает тот договор, требовала восстановить баланс сил и его соблюдение.

Британская политика на Балканах в течение всего девятнадцатого века высказывает большие опасения в отношении намерений России, и она превращается в своеобразную русофобию. Главные принципы ее балканской политики подразумевали постоянное наблюдение за российским влиянием и деятельностью панславистских комитетов и движений, воспрепятствование созданию более широкого содружества балканских народов, а после Берлинского конгресса четкое соблюдение статуса кво и предупреждения любого возврата России на балканскую сцену. Такое недоверие к

³⁹ F. O. 260/31, Granville to Wyndham, N° 219, June 12, 1883, F. O. 260/31, Locock to J. Pauncefote, N° 14, June 21, 1883, F. O. 260/37, Wyndham to Salisbury, N° 38, January 16, 1886, F. O. 260/47, St. John to Salisbury, N° 181, October 12, 1889.

российско- балканскому фактору останется без изменений вплоть до русско-английского соглашения в 1907 году, которое было заключено вследствие опасений Лондона от все большего влияния германского фактора, как на балканскую, так и на мировую политику. В Форин-офисе тогда окончатель-

но определились, что главным соперником британской империи во внешней политике не является Петербург, а Берлин, и что Россия может стать надежным союзником в обуздании неумеренного немецкого имперского аппетита.

SUMMARY: *The basic elements of the British policy toward The Balkans and their nations and states were based on phenomenon of the Russophobia in Great Britain through the all 19th century. Official, London has launched three principles of their policy on the Balkans. Firstly, it was continually observation whether Russian influence on that area increase or fall down, and whether Panslavonic committies acting in the Balkans states especially on the territories of the Serbia and Bulgaria. Secondly in Great Britain firm were opposed to forming of the wide Balkan federation or confederation. Finally, after Berlin Congress, the British government insisted on the strictly respecting of the decisions of the Congress and disabling of Russian coming back on the Balkans. Those distrust toward Russia in the British foreign and Balkan policy will remain until inter state approach on 1907.*

